

Попов Максим Евгеньевич, Мальцева Виктория Викторовна

ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

Статья посвящена изучению ценностно-мировоззренческих конфликтов и их оснований, связанных с крайними формами идентификации человека с этнической или религиозной группой. Крайние формы этнической и религиозной идентичности выступают также основой для развития и эскалации экстремистских настроений, идей. Рассматривается роль социокультурной интеграции как инструмента разрешения ценностно-мировоззренческих конфликтов и противодействия экстремизму.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. II. С. 169-172. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 172.4

Философские науки

Статья посвящена изучению ценностно-мировоззренческих конфликтов и их оснований, связанных с крайними формами идентификации человека с этнической или религиозной группой. Крайние формы этнической и религиозной идентичности выступают также основой для развития и эскалации экстремистских настроений, идей. Рассматривается роль социокультурной интеграции как инструмента разрешения ценностно-мировоззренческих конфликтов и противодействия экстремизму.

Ключевые слова и фразы: социокультурная интеграция; ценностно-мировоззренческий конфликт; этническая идентичность; религиозная идентичность; экстремизм.

Попов Максим Евгеньевич, д. филос. н., доцент
Мальцева Виктория Викторовна
Северо-Кавказский федеральный университет
maximus.popov@gmail.com; vika.m2308@gmail.com

ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА[©]

Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе», Грант Президента МД-7429.2015.6.

Одна из важнейших причин эскалации ценностно-мировоззренческих конфликтов в современной России – идентификационный и аксиологический кризис, ставший олицетворением постсоветских трансформаций. Распад коммунистической идеологии и последовавший за ним ценностно-идеологический вакуум стали источниками социокультурной дезинтеграции и, как следствие, роста этноконфликтной напряженности в полиэтнических российских регионах.

Анализ ценностно-мировоззренческих конфликтов как идеологических оснований экстремизма в российском обществе связан с определением антиконфликтного потенциала социокультурной интеграции, которая становится важнейшим инструментом обеспечения социальной безопасности и противодействия терроризму. В современной России и ее наиболее конфликтном северокавказском регионе сверхзадача социокультурной интеграции – вносить общегражданские и государственно-правовые начала в сложную систему этнополитических отношений, нередко принимавших в постсоветские десятилетия характер открытых вооруженных столкновений.

Ценностно-мировоззренческий конфликт – социокультурный конфликт, источником которого выступает принадлежность к определенной социальной группе, идентификация с ней. В этой терминологической постановке понятие ценностно-мировоззренческого конфликта приближается к концептам ценностного конфликта и конфликта идентичностей, а в контексте цивилизационного подхода – к понятию конфликта цивилизаций, уточняя и подчеркивая философско-аксиологический характер этих категорий [1; 7]. В этнополитической сфере данный конфликт можно рассматривать как макросоциальный конфликт этнополитических идентичностей, принимающий социально-эмпирическую форму открытого насилия и гражданской войны. Ценностно-мировоззренческие противоречия выступают как высоко значимые, касающиеся позиций людей, их основных отношений к себе и миру в целом.

А. А. Мукатаева называет этническую идентичность самоопределением индивида, которое вырабатывается в ходе когнитивно-эмоционального процесса и производимой им идентификации / дифференциации в обществе относительно множества этносов. Результатом процесса восприятия, осознания, понимания, переживания, оценивания своей принадлежности к этническому сообществу и будет выработка и актуализация собственной этнической идентичности в сознании индивида [5].

Специфичным в этнической идентичности является устойчивость существования во времени этнической группы и невозможность исключения человека из нее. Поэтому этнос выступает надежной опорой, а этничность актуализируется в критические периоды истории этноса, когда существует территориальная угроза, угроза утраты культуры, языка или растворения этноса в условиях больших миграций, в такие моменты этничность становится интегрирующим началом, объединяя «своих» против «чужих» [11].

Основания этничности подразделяют на объективные и субъективные. А. А. Мукатаева выделяет три объективных основания: во-первых, это культурные особенности общности, которые выступают социальными конструкциями, активизируемыми культурными и политическими элитами и создаваемыми ими институтами. Главным активизатором выступает государство и миф об общем происхождении, создающий идею принадлежности к группе и содействует формированию соответствующей идентичности, разделяемой всеми ее членами. Во-вторых, это граница этнической общности, определенная специфическими культурными чертами, исторически или ситуативно изменяемыми. В-третьих, объективным основанием этничности является культурная среда. Она создается на основе индивидуального выбора и групповой солидарности и призвана определять направление развития конкретной этнической общности, цели и стратегии. Культурная среда конструируется и регулируется политическими элитами соответствующего сообщества [5]. К субъективным

основаниям этничности Н. П. Денисюк относит индивидуальное осознание личностью своей этнической принадлежности, которое зависит от нескольких факторов. Во-первых, от однородности / неоднородности этнической среды: условия полиэтничной среды стимулируют интерес к собственной идентичности. Во-вторых, от индивидуальной оценки своего этноса, что способствует формированию позитивной этнической идентичности, негативной и индифферентной, а также этноэгоизма. Позитивная этническая идентичность характеризуется толерантным отношением к своей и другим этническим группам. Индифферентная этническая идентичность отличается нежеланием поддерживать культурные ценности «своей» группы, отчуждением от своей этнической группы. Негативная этническая идентичность сопровождается чувством ущемленности, ущемленности, отверженности, чувством стыда за свой народ. Этноэгоизм порожден чувством превосходства своего этноса над другими и характеризуется нетерпимостью, враждебностью, ксенофобией. В крайних случаях этноэгоизм достигает этнического фанатизма, одним из самых опасных признаков которого является оправдание любых жертв в борьбе за якобы благополучие своего народа [11]. Для полноты картины М. Т. Шергалиева выделяет также маргинальную этническую идентичность, проявляющуюся в колебании человека между двумя культурами, ни одной из которых он не овладевает. При этом путаница в идентичностях ведет к внутриличностным конфликтам [10].

Ю. В. Мухлыкина утверждает, что современным людям свойственно гипертрофированное состояние этнической идентичности. Существует два основных направления такого состояния: гипербололизация (преувеличение) при позитивной этнической идентичности и литотизация (преуменьшение) при негативной этнической идентичности.

Гипербололизация при позитивной этнической идентичности (гиперидентичность) проявляется в следующих видах:

- этноцентризм – осознание своей общности при особо значимом отношении к ее этничности с центрированием на самоутверждении. Этноцентризм проявляется в повышенном и преувеличенном внимании ко всему специфичному в культуре данного этноса, что может привести к неагрессивному изоляционизму и в крайних формах – к этноизоляционизму;

- этнодоминирование – осознание своей общности с центрированностью на гиперэтничности. При условиях численного превосходства общности и политической организованности, а особенно с учетом религиозного компонента, возникает уверенность в превосходстве культуры собственной группы по отношению к другим группам;

- этнофанатизм – осознание своей общности с акцентуацией на исключительности; проявляется в фанатической, вплоть до патологической приверженности к групповой догме, толерантность к другим этносам отсутствует;

- национализм – осознание своей этнической общности с актуализацией максимализма; проявляется в форме дискриминации с характерной внутриэтнической солидарностью и враждебностью к другим этносам при реальной или мнимой угрозе.

Таким образом, для гиперидентичности характерно сверхпозитивное эмоционально-оценочное отношение к своей группе и негативное к другим. Данное направление, по мнению Ю. В. Мухлыкиной, включает в себя современный дискурс политизированной этнической идентичности [6].

Литотизация при негативной этнической идентичности (гипоидентичность) включает следующие виды:

- этнонегативизм – осознание своей общности, ориентация на свой этнос при представлении его в негативном свете, что обусловлено неравномерным экономическим, культурным, политическим развитием этносов;

- этноэлиминация – осознание своей общности с направленностью на самоустранение. При этом ориентация на другой значимый этнос наличествует наряду с осознанием принадлежности к своему. Степень выраженности зависит от величины вклада ценностных «потребностей» значимого этноса в мотивационную структуру личности;

- этнонигилизм – осознание своей общности с акцентом на самоотрицание, переориентация на другой этнос с осознанием принадлежности к нему.

Гипоидентичность основана на негативном эмоционально-оценочном отношении к собственному этносу при позитивном отношении к другому значимому этносу, что обусловлено дезадаптацией этносов в условиях социокультурной дезинтеграции. Гипер- и гипоидентичность играют роль социально-психологической защиты этноса от нарушения его целостности, рассогласования его организации и способов жизнедеятельности. Говоря об маргинальной этнической идентичности, Ю. В. Мухлыкина подчеркивает, что она является особенно опасным для социальной практики феноменом, потому что вызывает нестабильность и непредсказуемость поведения группы в этносоциальной структуре общества [Там же]. Следовательно, маргинальная этническая идентичность, как гиперидентичность, и, в меньшей степени, гипоидентичность имеют конфликтную или нестабильную и противоречивую природу. Все это может явиться благодатной почвой для разрастания экстремистских настроений, идей.

Религиозная идентичность – «категория религиозного сознания, содержанием которой выступает осознание причастности к идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными, а также осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе» [8, с. 863]. Как указывает К. Б. Ахмедова, религиозная составляющая личности является динамической частью. Она отражает качество и уровень убеждений верующего человека. Религиозность может являться радикальной или умеренной, однако, ответственность за качество и уровень религиозных убеждений лежит не на религии, а на самом верующем как на сознательном человеческом существе [2].

Интеграционный потенциал религии, по мнению А. А. Мукатаевой, более высок, чем таковой у этничности, он реализовывается согласно возникновению понятия Бога как наивысшей ценности и главного судьи, ведающего жизнью и смертью человека. Ценностные ориентации религии превосходят рамки малых общностей, однако согласуются с их определенными перспективами. Религия позволяет справиться с замкнутостью человека и расширяет его культурное самосознание. В религии также заключено и наиболее ярко выражено моральное знание, именно поэтому религиозная идентичность человека обладает высокой значимостью в развитии общества [5].

Типы религиозной идентичности различаются в зависимости от выбранных оснований. Так, исходя из субъекта, религиозная идентичность подразделяется на индивидуальную (формируется в процессе социализации и внутреннего усвоения человеком религиозных идей и норм, результатом чего является религиозный опыт) и групповую (складывается в процессе соотнесения с иными конфессиональными группами). В мультикультурной среде возможно возникновение множественной религиозной идентичности (двойной, тройной и т.д.). Если исходить из степени выраженности и интенсивности религиозно-мировоззренческой основы, выделяют типы религиозной идентичности от нулевой и слабовыраженной до фанатичной. Т. П. Минченко отмечает, что при определенных условиях и обстоятельствах религиозная идентичность конкретного человека выступает на первый план, а в иных – снижается до минимума в иерархии идентичностей. Подчеркивая, что процессы глобализации, толерантности, поликультурного общества способствуют размыванию религиозной идентичности, Т. П. Минченко обращает внимание и на процессы интенсификации религиозной идентичности. Речь идет о религиозном ривайвализме (возрождении) [4]. Религиозный ривайвализм – христианское движение, придающее вере такое же значение чувственно-эмоциональной стороне, как и стороне интеллектуально-рациональной, при этом стремление к покаянию и духовному возрождению через веру вознаграждается личными отношениями с Богом [9].

Крайними формами религиозного самоопределения выступают фундаментализм и экстремизм. При этом религиозный фундаментализм направлен на возвращение к истокам, на преодоление появившихся в ходе развития религиозной системы направлений, уклонов, ересей и идеологически близок к различным типам ортодоксии. Религиозный экстремизм направлен на конфронтацию с традиционными нормами. Он вырабатывается внутри религии как результат радикализации существующих норм (ваххабизм), или вне конфессий в итоге соединения разнородных вероучений и создания новой догматики (неохристианского, неоориенталистского). Исходя из этого, Т. П. Минченко выделяет различные типы религиозного экстремизма: внутриконфессионально ориентированный тип (коренное реформирование имеющейся религиозной системы или ее элементов) и социально ориентированный тип (коренные личностные и социальные трансформации) [4]. К. Б. Ахмедова утверждает, что современный экстремизм часто приобретает религиозный характер, чему свидетельствует рост использования религиозных начал в идеологиях террористических организаций и групп [2].

Таким образом, принадлежность к определенной социокультурной группе таит в себе риски и угрозы ценностно-мировоззренческого конфликта как внутри этой группы, так и вне ее, конфликта с другими социокультурными группами. Данный конфликт, в свою очередь, является почвой для роста различных радикальных, в том числе экстремистских умонастроений, течений, идеологий.

Один из путей предотвращения подобных рисков и угроз предполагает интеграцию всех социокультурных групп в единую социальную систему. Социокультурная интеграция – процесс организации элементов, в котором сохраняется их относительная самостоятельность. Объектом социальной интеграции выступают социальные акторы, которые испытывают влияние разнообразных социокультурных образцов, существующих в обществе. Они же выступают и субъектами взаимодействия. Целями социальной интеграции является достижение внутренней согласованности элементов общества как социокультурной системы посредством конкретизации и интернализации идей и ценностей гражданского общества. Оценка результатов интеграционного процесса предполагает совпадение идентичностей, целей, интересов, конвенциональных ценностей различных акторов и сообществ [3].

Эпоха глобализации по-новому ставит проблему этнической и религиозной идентичности в поликультурном российском обществе, проблематизируя адаптацию этносов к тенденциям универсализации и интеграции ценностей. Генетически социокультурной основой интеграции и единства различных народов России являются их многовековые культурные взаимосвязи и совместная жизнедеятельность.

Таким образом, ценностно-мировоззренческий конфликт, являющийся по своей природе социокультурным конфликтом, источником которого выступают идентичность и ценностные ориентации сторон конфликта, представляет собой фундаментальную угрозу социокультурной интеграции в современной России и является идеологической базой экстремизма на Северном Кавказе.

Список литературы

1. **Аксюмов Б. В.** Конфликт цивилизаций в современном мире и цивилизационный выбор России. Ставрополь, 2009. 288 с.
2. **Ахмедова К. Б.** Политический контекст манипулирования религиозной идентичностью террористическими группами // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 2. С. 224-229.
3. **Маслова Т. Ф.** Социокультурная интеграция как социальный процесс // Известия Южного федерального университета. Сер. Технические науки. 2006. № 13 (68). С. 275-279.
4. **Минченко Т. П.** К вопросу об определении религиозной идентичности в современном мире // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 99-101.
5. **Мукатаева А. А.** Религиозная идентичность в культурной идентичности личности // Педагогическое образование и наука. 2010. № 5. С. 44-51.

6. Мухлынкина Ю. В. Этническая идентичность в эпоху глобализации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2008. Т. 8. № 4. С. 233-244.
7. Попов М. Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 312 с.
8. **Религиоведение**: энциклопедический словарь / ред.: А. П. Забияко, А. Н. Красников, Е. С. Элбакян. М.: Академический проект, 2006. 1264 с.
9. **Ривайвализм** [Электронный ресурс] // Теологический энциклопедический словарь. URL: http://www.e-reading.link/chapter.php/1019662/833/Elvell_-_Teologicheskii_enceklopediches-kii_slovar.html (дата обращения: 11.03.2015).
10. Шергалиева М. Т. Этническая идентичность как вид социальной идентичности // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. Т. 3. № 1 (76). С. 207-211.
11. Dzenisiuk N. P. Формирование этнической идентичности в современных условиях // Веснік БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2013. № 3. С. 86-89.

VALUE AND WORLD OUTLOOK CONFLICTS AND THE PROBLEM OF SOCIOCULTURAL INTEGRATION: RUSSIAN SPECIFICITY

Popov Maksim Evgen'evich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Mal'tseva Viktoriya Viktorovna
North-Caucasus Federal University
maximus.popov@gmail.com; vika.m2308@gmail.com

The article is devoted to the study of value and world outlook conflicts and their foundations connected with the extreme forms of a human's identification with an ethnical or religious group. The extreme forms of ethnical and religious identity are also a basis for the development and escalation of extremist sentiments, ideas. The paper considers the role of sociocultural integration as a tool of settling value and world outlook conflicts and extremism counteraction.

Key words and phrases: sociocultural integration; value and world outlook conflict; ethnical identity; religious identity; extremism.

УДК 303.064

Политология

В статье представлены основные электронные базы данных, специализирующиеся на исследовании терроризма. Значительное внимание уделено предпосылкам их создания, особенностям функционирования и значимым различиям. Авторами проведен сравнительный анализ крупных проектов по критериям включения того или иного инцидента в базу данных, используемым параметрам описания террористического акта. На основе изучения приводятся выводы относительно характеристик, снижающих познавательный потенциал.

Ключевые слова и фразы: терроризм; террористические акты; базы данных; ITERATE; RDWTI; GTD; информационные технологии.

Рязанов Даниил Сергеевич, к. филос. н., доцент
Дагестанский государственный технический университет
dsryazanov@mail.ru

Охрименко Артем Викторович
Дагестанский институт экономики и политики
a.v.okhrimenko@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ БАЗ ДАННЫХ В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕРРОРИЗМА[©]

Статья выполнена в рамках реализации гранта РГНФ № 15-37-01201 («Терроризм на постсоветском пространстве, 1991-2014 годы»).

Проблематика терроризма и контртеррористических мер достаточно давно и прочно вошла в число тем, пользующихся особым вниманием со стороны исследователей. Каталог Библиотеки Конгресса США содержит около 8 тысяч материалов, содержащих в названии такие термины как «терроризм» и «террорист». В библиотеке Кембриджского университета имеется свыше 10 тысяч только печатных книг по данной проблеме.

Не менее велик исследовательский интерес к указанной теме и в России, в которой в первые годы XXI века наблюдался резкий рост числа работ по проблематике терроризма (например, подсчет по каталогу Российской государственной библиотеки показывает, что в 1993 г. была защищена всего 1 подобная диссертация, в 2000 г. – 8, в 2004 г. – 28, в 2007 г. – 43, в 2011 г. – 23, в 2014 г. – 9). В частности, среди отечественных исследователей терроризма можно отметить В. В. Витюка, В. В. Лунева, И. В. Дементьева, Э. Н. Ожиганова и др. [1, с. 77].

Сопоставление исследовательских направлений, получивших распространение в отечественной гуманитаристике и зарубежной науке, приводит к выводу о малом внимании российских авторов, за небольшим исключением, к количественным методам исследования и информационным технологиям.